

Капитан М.

Золотой час

Капитан М.
Золотой час

«Автор»

2026

М. К.

Золотой час / К. М. — «Автор», 2026

Врач скорой помощи Артем Волин оказывается в эпицентре войны банд, вирусов и теневого «Совета». Спасая детей и создавая вакцины, он бросает вызов системе, которая хочет превратить город в оружие. Каждый его выбор — это борьба за жизнь. Его золотой час никогда не заканчивается.

© М. К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Сигнал бедствия	5
Глава 2. Кровь на асфальте	13
Глава 3. Бомбоубежище	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Капитан М. Золотой час

Глава 1. Сигнал бедствия

Ночная смена в городской больнице скорой помощи всегда напоминала Артему Сергеевичу Волину погружение в густой, вязкий кисель из человеческих страданий, запаха дезинфекции и вечного недосыпа. Это была не просто работа — это был образ жизни, выточивший его лицо острыми гранями усталости, но не тронувший глубины глаз, где всё ещё теплился странный, почти неуместный в их ремесле огонек сострадания. Он был врачом от бога, как говорили старшие коллеги, но сам Артем считал себя просто хорошим ремесленником, который слишком долго задержался на одном месте.

В диспетчерской пахло крепким кофе и статическим электричеством от старых мониторов. За окном моросил дождь, превращая огни города в размытые акварельные пятна. Артем как раз заканчивал заполнять карту вызова — пожилая женщина с гипертоническим кризом, банально, но смертельно опасно, если опоздать. Он дописал последнюю букву, откинулся на спинку стула и потер переносицу, чувствуя, как под веками скапливается песок усталости.

— Артем Сергеевич, — голос диспетчера, Марины, молодой женщины с вечно встревоженными глазами, прозвучал резко, перекрывая гул вентиляции. — Новый вызов. Приоритет первый. Район Заречный, улица Промышленная, дом четырнадцать. Массовое ранение. Огнестрел.

Артем мгновенно стянул с себя оцепенение. Это был не просто вызов, это был сигнал тревоги, от которого кровь прилиwała к сердцу, а мозг начинал работать на пределе возможностей.

— Массовое? — переспросил он, поднимаясь. — Сколько пострадавших?

— Неизвестно, — Марина нервно кусала губу, глядя в монитор. — Звонок был от мужчины, кричал, что стреляют, много раненых. Связь оборвалась. Полиция уже выехала, но там... там что-то серьезное. Слышны автоматные очереди.

— Понял, — коротко бросил Артем. — Бригада номер четыре, на выезд.

Он схватил свой тяжелый оранжевый рюкзак с медикаментами, проверяя на ходу наличие жгутов, гемостатиков, интубационных трубок и обезболивающих. Всё на месте. Это был его ритуал, его мантра спокойствия перед лицом хаоса. В коридоре его уже ждал водитель — Валера, грузный мужчина с добродушным лицом и руками, способными разобрать и собрать двигатель «Газели» с закрытыми глазами. Сегодня его лицо было хмурым.

— Слышал, Артем Сергеевич? — спросил он, открывая заднюю дверь реанимобиля. — Опять эти банды. «Северные» и «Черные». Делёжка какая-то пошла. Говорят, целый квартал перекрыли.

— Поехали, Валера, — Артем запрыгнул в салон, привычно оглядывая сверкающие никелем шкафы, аппарат искусственной вентиляции легких, дефибриллятор. — На месте разберемся.

Сирена взвыла, разрезая ночную тишину, и машина, мигнув проблесковыми маячками, рванула с места, вливаясь в поток мокрых от дождя улиц. Артем смотрел в окно, на проносящиеся мимо дома, витрины, редких прохожих, и чувствовал, как в груди нарастает знакомое напряжение. Это было не волнение, а собранность, мобилизация всех чувств и рефлексов. Впереди был бой. Не его бой, но его поле.

Заречный район встретил их тишиной, которая была обманчива, как затишье перед бурей. Улица Промышленная утопала в темноте — уличные фонари здесь либо перегорели,

либо были выбиты. Только редкие вспышки света из окон и отблески далеких пожаров освещали дорогу. Валера сбросил скорость.

— Дальше не проехать, — сказал он, кивая на перегородивший дорогу мусорный контейнер и несколько легковых машин, стоящих поперек. — Баррикада.

Артем выглянул в окно. В свете фар он увидел силуэты людей, вооруженных автоматами. Они стояли по обе стороны улицы, и от них исходила та самая аура опасности, которую невозможно спутать ни с чем.

— Оставайся здесь, — приказал Артем Валере. — Двигатель не глуши. Если что — уезжай.

— Артем Сергеевич...

— Это приказ, Валера. Я врач. Они меня не тронут.

Он вышел из машины, подняв руки, показывая, что не вооружен. Холодный, влажный воздух ударил в лицо, принося с собой запахи гари, пороха и крови. Этот запах он узнал бы из тысячи. Кровь. Много крови.

— Я врач скорой помощи! — крикнул он в темноту. — У вас раненые! Я приехал помочь!

Из-за баррикады выступил мужчина. Высокий, широкоплечий, в черной куртке и вязаной шапке, надвинутой на самые брови. В руках он держал автомат Калашникова, и его дуло смотрело Артему прямо в грудь.

— Помочь? — Голос мужчины был низким, с хрипотцой. — Ты кто такой? С какой стороны?

— Я не с чьей стороны, — спокойно ответил Артем, глядя ему прямо в глаза. — Я врач. Мне плевать, кто вы и кто они. У вас есть раненые, которым нужна помощь. Чем быстрее я начну, тем больше шансов у них выжить.

Мужчина молчал, изучая его. Артем чувствовал на себе еще несколько взглядов из темноты. Он знал, что находится под прицелом как минимум трех-четырех автоматов. Одно неверное движение, одно неосторожное слово — и его тело останется лежать на этой мокрой дороге.

— У нас есть раненые, — наконец сказал мужчина. — Двое тяжелых. Наш лидер... он тоже там. Ему очень плохо.

— Тогда не тратьте время, — сказал Артем, делая шаг вперед. — Ведите меня к нему.

Мужчина колебался мгновение, затем кивнул одному из своих людей.

— Проводи.

Артема повели через баррикаду, вглубь территории, контролируемой бандой. Улица напоминала поле боя. Разбитые витрины магазинов, перевернутые машины, гильзы, блестящие в свете редких фонарей. Воздух был пропитан напряжением. Люди в черной одежде с оружием в руках стояли на постах, их лица были мрачными и усталыми.

Его привели к подвалу одного из жилых домов. Спускаясь по скрипучим ступеням, Артем ощутил, как сырость и холод проникают под одежду. Внизу горел одинокая лампочка, выхватывая из темноты бетонные стены, трубы и силуэты людей. Здесь, на полу, на расстеленных куртках, лежали раненые.

Первое, что бросилось в глаза — молодой парень, лет двадцати, с простреленной грудью. Он хрипел, изо рта шла розовая пена. Второй, мужчина постарше, держался за живот, сквозь пальцы которого сочилась темная кровь. И третий — сам лидер. Мужчина лет сорока, с бледным, как мел, лицом, лежал у стены. Его рубашка была насквозь пропитана кровью, и было видно, что он без сознания.

Артем мгновенно переключился в рабочий режим. Он опустился на колени рядом с парнем, оценивая состояние.

— Пневмоторакс, — пробормотал он, нащупывая пульс. — Напряженный. Нужна немедленная декомпрессия.

Он открыл свой рюкзак, достал иглу для торакоцентеза. Руки действовали сами, без колебаний. Он протер место антисептиком и уверенно ввел иглу во второе межреберье. Раздался свистящий звук выходящего воздуха, и парень сделал судорожный вдох.

— Держись, — сказал ему Артем, накладывая окклюзионную повязку. — Ты будешь жить.

— Док, — раздался хриплый голос позади. Один из бандитов, тот самый, что привел его, стоял рядом. — Сначала лидер. Он важнее.

Артем обернулся, и его глаза сузились.

— Я сам решу, кто важнее, — отрезал он. — Я врач. И пока я здесь, я работаю по своему протоколу. Этот парень истекает кровью, и если я не закончу, он умрет через пять минут.

— Ты не понял, — мужчина шагнул вперед, и его рука легла на кобуру. — Лидер — это всё. Если он умрет, мы все умрем. Сначала он.

Артем поднялся, выпрямившись во весь рост. Он был ниже бандита, но в его взгляде было столько спокойной, несокрушимой уверенности, что тот невольно отступил на шаг.

— Послушай меня внимательно, — сказал Артем, чеканя каждое слово. — Я приехал сюда, чтобы спасти жизни. Я не разбираюсь в ваших войнах и не делю людей на «своих» и «чужих». Но если ты будешь мне мешать делать мою работу, то умрет не только твой лидер. Умрут все, кого я мог бы спасти. Включая тебя, если тебя подстрелят. А теперь убери руку с оружия и не мешай.

Повисла напряженная тишина. Бандит смотрел на него, и в его глазах боролись ярость и что-то похожее на уважение. Наконец он медленно опустил руку.

— Работай, — буркнул он. — Но если он умрет...

— Если он умрет, — перебил его Артем, — то потому, что пуля попала в жизненно важный орган, а не потому, что я плохо работал. А теперь принеси мне горячей воды и побольше чистых тряпок. Или бинтов, если есть.

Он снова опустился на колени, теперь рядом с лидером. Рана была тяжелой. Пуля прошла навылет через левое легкое, задев крупный сосуд. Кровопотеря была массивной. Артем наложил жгут, начал ставить инфузию, параллельно оценивая состояние третьего раненого. У того была задета печень, но он был в сознании и пока держался.

В этот момент сверху, с улицы, донесся звук, от которого у Артема похолодело внутри. Это был не одиночный выстрел. Это была длинная очередь из крупнокалиберного пулемета. И она звучала где-то очень близко.

— Что это? — спросил он, не отрываясь от работы.

— Это «Черные», — зло ответил бандит. — Они пошли на штурм. Им плевать на перемирие.

— Перемирие? — Артем поднял голову. — О чем вы?

— Мы договорились, — сказал мужчина, и в его голосе послышалась горечь. — Пока ты работаешь, никто не стреляет. Мы отправили к ним гонца. Они согласились. Но, видимо, кто-то не сдержал слово.

Артем выругался про себя. Это было хуже, чем он думал. Он оказался не просто в эпицентре перестрелки. Он оказался в центре хрупкого, никому не нужного перемирия, которое трещало по швам.

Закончив с лидером, он поднялся. Нужно было срочно перебираться на другую сторону, к «Черным». У них тоже были раненые. И там тоже умирали люди.

— Мне нужно пройти к «Черным», — сказал он, вытирая руки о влажную салфетку.

— Ты с ума сошел? — Бандит схватил его за руку. — Они только что начали стрелять! Они убьют тебя!

— Они убьют меня, если я не приду, — ответил Артем, высвобождая руку. — У них тоже есть раненые. И среди них, возможно, дети.

Это было правдой. Когда он ехал сюда, диспетчер передал, что неподалеку, на улице Мира, находится интернат для детей-сирот. И сейчас он находился прямо между молотом и наковальней — двумя враждующими бандами.

— Дети? — переспросил бандит.

— Да. В интернате на Мира. Если вы начнете полномасштабную войну, они окажутся в зоне поражения.

Мужчина замолчал. Было видно, что эта информация его озадачила. Он не был конченым зверем, просто человеком, которого война сделала жестоким.

— Я проведу тебя, — наконец сказал он. — Но только до нейтральной полосы. Дальше — сам.

— Договорились, — кивнул Артем.

Он собрал свой рюкзак и, бросив последний взгляд на своих пациентов, направился к выходу из подвала. На улице их встретил шквальный огонь. Пули свистели над головой, выбивая искры из бетона. Артем пригнулся, следуя за своим провожатым.

Они двигались перебежками, прячась за машинами и углами домов. Артем чувствовал, как адреналин зашкаливает, обостряя все чувства. Он видел трассеры пуль, рассекающие темноту, слышал крики раненых, доносящиеся с обеих сторон.

— Вон там, — провожатый махнул рукой в сторону перекрестка. — Их позиции. Дальше я не пойду.

Артем кивнул. Он поправил лямки рюкзака и, сделав глубокий вдох, побежал. Он бежал по открытому пространству, ожидая в любую секунду почувствовать удар в спину. Но, казалось, сама смерть обходила его стороной, давая ему шанс выполнить свою миссию.

Он добежал до баррикады «Черных». Их встретили настороженно, но, увидев его белый халат, медицинскую сумку и усталое, но решительное лицо, пропустили.

— Я врач, — выдохнул он. — У вас есть раненые?

— Есть, — ответил ему молодой парень с перевязанной рукой. — Много. И наш командир... он плох.

Артем огляделся. Здесь было еще хуже, чем на стороне «Северных». Бой шел ожесточенный. И где-то там, за линией огня, в темноте, находился интернат. Дети. Они были где-то там, одни, в ловушке.

Он посмотрел на часы. Прошло уже больше часа с момента вызова. Золотой час — время, когда большинство тяжелых раненых умирают от кровопотери и болевого шока. У него оставалось совсем немного времени.

— Ведите, — сказал он. — И передайте всем: пока я работаю, никто не стреляет. Я не уйду, пока не помогу всем. Но если кто-то выстрелит, я прекращу работу, и тогда все, кто умрет, будут на вашей совести.

Он сказал это громко, чтобы слышали все вокруг. И в этот момент, на удивление, наступила тишина. Обе стороны, казалось, замерли, услышав его слова. Может быть, в каждом из этих бандитов, потерявших человеческий облик в войне за территорию, все еще жила искра уважения к жизни. Или, может быть, они просто боялись, что он, единственный врач в этом аду, откажется им помогать.

Артем не знал, что будет дальше. Он не знал, выживет ли сам. Но он знал одно: он должен сделать свою работу. Спасти как можно больше жизней. И вытащить детей из этого пекла. Он был врачом. И это было его золотым часом. Молодой парень с перевязанной рукой кивнул и молча повел его вглубь территории. Артем шел за ним, ощущая каждой клеткой тела, как тишина, повисшая над кварталом, давит на плечи. Это была не та тишина, что приносит покой. Это была тишина перед бурей, звенящая, натянутая, как струна, готовая в любую секунду лопнуть.

Они вошли в здание бывшего магазина автозапчастей. Витрины были выбиты, осколки стекла хрустели под ногами. Внутри, среди пустых стеллажей и разбросанных коробок, горели несколько фонарей. Здесь, на полу, лежали раненые. Артем насчитал пятерых. Двое были в сознании и тихо стонали. Трое лежали неподвижно, и только по едва заметному подрагиванию пальцев или хриплому дыханию можно было понять, что они еще живы.

— Командир здесь, — парень указал на дальний угол, где на куче курток лежал мужчина лет пятидесяти. У него была седая щетина, тяжелый подбородок и лицо, искаженное болью. Пуля попала ему в бедро, раздробив кость. Кровь пропитала штанину и растекалась темной лужей по бетонному полу.

Артем быстро оценил обстановку. Он опустился на колени рядом с командиром и осторожно разрезал штанину. Рана была ужасной. Артерия задета, кость раздроблена. Мужчина был бледен, как бумага, и покрыт холодным потом.

— Как тебя зовут? — спросил Артем, накладывая жгут выше раны.

— Григорий, — прохрипел мужчина, приоткрыв глаза. — Ты... ты кто?

— Врач. Меня зовут Артем. Я помогу тебе. Только не двигайся.

— Ты... с той стороны? — Григорий попытался приподняться, но Артем удержал его.

— Я ни с чьей стороны. Я просто врач. Сейчас я остановлю кровотечение, обработаю рану и наложу шину. Потом тебя нужно будет переправить в больницу.

— В больницу? — Григорий горько усмехнулся, и на его губах выступила кровь. — Мы не в больнице, док. Мы в аду. И ты в нем застрял вместе с нами.

Артем не ответил. Он работал молча и сосредоточенно. Наложил жгут, проверил пульс на сонной артерии, поставил капельницу с физраствором и обезболивающим. Затем наложил давящую повязку на рану. Григорий смотрел на него, и в его глазах, затуманенных болью, мелькнуло что-то похожее на удивление.

— Ты странный, док, — сказал он. — Я тебя не знаю. Ты пришел к нам, к врагам. Почему?

— Потому что у вас есть раненые, — ответил Артем, переходя к следующему пострадавшему. Молодой парень с ранением в плечо, гемоторакс. — И потому что я давал клятву. Она не различает цветов и сторон.

Григорий закрыл глаза. Артем видел, как по его щеке скатилась одинокая слеза. Это была не слеза боли. Это было что-то другое. Что-то, что этот человек, возможно, давно в себе похоронил.

Артем работал быстро. Дренаж плевральной полости, обработка ран, обезболивание. Он не позволял себе думать о том, что находится в ловушке. Он просто делал то, что умел лучше всего. Спасал жизни.

Когда он закончил с ранеными «Черных», прошло еще сорок минут. Он вытер руки и посмотрел на часы. Оставалось меньше двадцати минут до конца золотого часа. И где-то там, за линией огня, были дети.

— Мне нужно к интернату, — сказал он, обращаясь к парню с перевязанной рукой. — Улица Мира, дом два. Там дети.

— Ты с ума сошел, — парень покачал головой. — Это нейтральная зона, но сейчас там никого нет. Ни наших, ни их. Там опасно.

— Я не спрашиваю, опасно или нет, — отрезал Артем. — Я спрашиваю, как туда пройти.

Парень посмотрел на него, как на сумасшедшего. Но что-то в глазах Артема заставило его замолчать. Он махнул рукой в сторону выхода.

— Через двор. Там есть проход между домами. Если пробежать быстро, может, пронесет.

Артем кивнул и направился к выходу. В этот момент снаружи раздался голос, усиленный мегафоном. Он был искажен, но слова были отчетливо слышны.

— Внимание! Говорит командир «Северных»! У нас перемирие! Врач работает! Никто не стреляет! Повторяю: никто не стреляет, пока врач не закончит! Передайте всем постам!

Артем замер. Значит, «Северные» тоже сдержали слово. По крайней мере, пока. Он вышел на улицу и увидел, что бойцы «Черных» тоже слышали это сообщение. Они переглядывались, но оружие не опускали.

Он побежал. Через двор, мимо сгоревшей машины, мимо перевернутого мусорного бака. Пули больше не свистели над головой. Тишина была злоеющей, но она давала ему шанс.

Он добежал до улицы Мира. Интернат — трехэтажное здание из красного кирпича — стоял в конце улицы. Его окна были темными. Ни одного огонька. Артем почувствовал, как сердце сжалось от дурного предчувствия.

Он подбежал к воротам. Они были приоткрыты. Он толкнул их и вошел во двор. Тишина здесь была еще гуще. Ни звука, ни движения. Он подошел к главному входу. Дверь была заперта изнутри.

— Эй! — крикнул он, стуча кулаком по двери. — Откройте! Я врач! Я пришел помочь!

Ответа не было. Он обошел здание, ища другой вход. За углом он увидел разбитое окно на первом этаже. Он подтянулся и залез внутрь.

Он оказался в темном коридоре. Пахло пылью, сыростью и чем-то еще. Он достал фонарик и посветил вокруг. Стены были увешаны детскими рисунками. На полу валялись игрушки. Он шел по коридору, заглядывая в комнаты.

В одной из них он увидел детей. Они сидели на полу, сбившись в кучу, как испуганные птенцы. Их было около двадцати. Малыши от пяти до десяти лет. С ними была женщина, воспитательница, бледная и дрожащая.

— Вы... вы кто? — прошептала она, закрывая детей собой.

— Я врач, — сказал Артем, опускаясь на колени, чтобы не пугать их. — Я пришел вас вытащить. Здесь опасно. Нужно уходить.

— Уходить? — Женщина покачала головой. — Куда? Там стреляют. Мы слышали выстрелы. Мы думали, что умрем.

— Стрельба прекратилась, — сказал Артем, хотя сам не был в этом уверен. — У нас есть немного времени. Я выведу вас через двор, а потом...

Он замолчал. Он не знал, что будет потом. Он не знал, как вывезти двадцать детей из зоны боевых действий. Но он знал, что не может их здесь оставить.

— Как вас зовут? — спросил он женщину.

— Ирина.

— Ирина, слушайте меня внимательно. Соберите детей. Возьмите только самое необходимое. Теплые вещи, воду, если есть. Мы пойдем быстро и тихо. Я буду впереди. Если я скажу «ложись», все ложатся на землю и не двигаются. Понятно?

Она кивнула. Артем посмотрел на детей. Их лица были испуганными, но в глазах некоторых он видел любопытство. Дети всегда любопытны, даже в аду.

— Дядя, а ты кто? — спросил мальчик лет шести с рыжими волосами и веснушками.

— Я доктор, — улыбнулся Артем. — А ты?

— Максим. А ты нас спасешь?

— Да, — сказал Артем, и в этот момент он понял, что это не просто слова. Это было обещание. — Я вас спасу.

Он поднялся и выглянул в окно. Улица была пуста. Но он знал, что это ненадолго. Перемирие не могло длиться вечно. Рано или поздно кто-то не выдержит, и начнется ад.

Он вывел детей через разбитое окно. Они спускались по одному, тихо, держась за руки. Артем шел впереди, Ирина замыкала цепочку. Они двинулись через двор, к проходу между домами.

Они прошли половину пути, когда Артем услышал звук, от которого кровь застыла в жилах. Это был звук вертолета. Он поднял голову и увидел, как в небе, рассекая облака, приближается темный силуэт. Прожектор вертолета осветил улицу.

— Ложись! — крикнул Артем.

Дети упали на землю. Луч прожектора прошелся по двору, осветив их. Артем замер. Он знал, что это могло быть подкрепление одной из банд. Или полиция. Или кто-то еще хуже.

Вертолет завис над зданием интерната. Из громкоговорителя раздался голос.

— Внимание! Говорит служба специальных операций! Всем оставаться на местах! Территория блокирована! Сопротивление бесполезно!

Артем выругался. Это было хуже всего. Спецназ. Они не разбирались, кто прав, кто виноват. Они просто зачищали территорию.

— Доктор! — Ирина схватила его за руку. — Что нам делать?

Артем думал быстро. Он не мог вернуться в интернат. Не мог идти к бандам. Оставался только один путь.

— За мной! — крикнул он. — Быстро!

Он повел детей в подвал одного из домов. Они спустились в темноту, и Артем закрыл за собой дверь. В подвале было сыро и холодно, но это было укрытие.

Он достал рацию, которую дал ему один из бандитов. Он настроил ее на частоту, которую использовали обе стороны.

— Внимание! — сказал он. — Говорит врач! Я нахожусь в подвале дома номер шестнадцать по улице Мира! Со мной двадцать детей! Повторяю: двадцать детей! Прекратите огонь! Спецназ приближается!

В рации повисла тишина. Затем раздался голос. Это был Григорий.

— Док? Это ты? Ты где?

— В подвале. С детьми. Григорий, послушай меня. Спецназ идет. Если вы начнете стрелять, они всех уничтожат. И вас, и «Северных». И детей. Ты меня слышишь?

— Слышу, — ответил Григорий после паузы. — Что ты предлагаешь?

— Перемирие. Настоящее. Не на время операции. Навсегда. Хотя бы на эту ночь. Вы свяжитесь с «Северными». Скажите им, что я прошу. Я выведу детей, а вы не стреляйте. Пусть спецназ войдет и разберется. Но без стрельбы.

— Ты понимаешь, что просишь? — голос Григория был напряженным. — Мы не сдаемся.

— Я не прошу сдаваться. Я прошу не убивать детей. И не дать себя убить. Если вы начнете бой со спецназом, вы все умрете. И дети умрут. А так у вас есть шанс.

Молчание длилось целую минуту. Артем слышал, как дети дышат в темноте. Он чувствовал, как маленькая рука Максима сжимает его ладонь.

— Хорошо, — наконец сказал Григорий. — Я свяжусь с «Северными». Но если они откроют огонь, мы ответим.

— Договорились, — сказал Артем.

Он отключил рацию и посмотрел на детей. В свете фонарика их лица казались бледными пятнами.

— Мы скоро выйдем, — сказал он. — Все будет хорошо.

Он не знал, правда ли это. Но он знал, что сделает все возможное, чтобы это было правдой.

Он выглянул из подвала. Вертолет все еще висел в небе, но огонь не открывал. Спецназ высаживался на крышу интерната. Артем видел, как бойцы в черной форме спускаются по стенам.

Он вышел из подвала, подняв руки. Дети шли за ним, держась за руки. Ирина замыкала колонну.

Он шел по улице, и в свете прожектора вертолета его фигура казалась крошечной. Но он шел. Он вел детей. И он знал, что этот момент — его золотой час. Час, когда он делал то, для чего родился.

Он дошел до перекрестка, где стояли бойцы спецназа. Они навели на него оружие.

— Стоять! Руки вверх!

— Я врач! — крикнул Артем. — Со мной дети! Двадцать детей! Не стреляйте!

Из темноты вышел командир спецназа. Он посмотрел на Артема, на детей, на банды, которые замерли на своих позициях.

— Кто вы такой? — спросил он.

— Врач скорой помощи, — ответил Артем. — Я приехал на вызов. И я не уеду, пока не вывезу всех.

Командир смотрел на него долго. Затем опустил оружие.

— Хорошо, доктор. Ведите детей к автобусу. Мы вас прикроем.

Артем кивнул. Он пошел дальше, и дети шли за ним. Он не оглядывался. Он знал, что за его спиной остались два лидера банд, которые смотрели на него. И, возможно, в этот момент они поняли что-то важное. Что-то, что не имело отношения к территории, деньгам или власти. Что-то, что имело отношение к жизни.

Артем вывел детей к автобусу. Когда последний ребенок поднялся в салон, он обернулся. Улица была пуста. Банды исчезли в темноте. Спецназ занял позиции. Вертолет улетел.

Он посмотрел на часы. Золотой час закончился. Но он знал, что для него это только начало. Потому что он был врачом. И его работа никогда не заканчивалась.

Глава 2. Кровь на асфальте

Автобус был старым, дребезжащим, с продавленными сиденьями и запахом дизельного топлива, который не мог перебить даже запах страха, исходивший от детей. Артем сидел на первом сиденье, спиной к водителю, и смотрел на двадцать маленьких фигурок, сбившихся в кучу в полумраке салона. Кто-то плакал беззвучно, уткнувшись в плечо соседа. Кто-то спал, измотанный пережитым. Максим, рыжий мальчик с веснушками, сидел рядом с Ириной и держал ее за руку, но его глаза были открыты и смотрели прямо на Артема.

— Дядя доктор, — позвал он тихо.

— Что, Максим?

— А те дяди, которые стреляли... они плохие?

Артем задумался. Он мог бы сказать «да», и это было бы легко. Просто. Понятно. Но он слишком хорошо помнил лицо Григория, когда тот услышал про детей. И лицо командира «Северных», который согласился на перемирие, рискуя потерять власть над своими людьми.

— Они заблудились, — сказал Артем. — Иногда взрослые теряют дорогу. И тогда им кажется, что единственный способ найти ее — это оружие.

— А ты их нашел? — спросил Максим.

— Я никого не искал, — ответил Артем. — Я просто делал свою работу.

Максим кивнул, как будто это имело смысл. Может, для шестилетнего ребенка это действительно имело смысл. Артем отвернулся и посмотрел в окно. За стеклом проплывали темные улицы, патрули спецназа, оцепление. Автобус ехал в сопровождении двух бронированных машин. Командир спецназа, полковник Семенов, сидел впереди, рядом с водителем, и о чем-то тихо говорил по рации.

Артем чувствовал, как усталость наваливается на него тяжелым одеялом. Руки дрожали — не от страха, а от перенапряжения. Он сделал сегодня больше операций, чем за последнюю неделю. И потерял двоих. Одного на стороне «Северных» — молодой парень с ранением в живот, слишком поздно. И одного на стороне «Черных» — мужчина с простреленной шеей, артериальное кровотечение, которое он не смог остановить в тех условиях. Их лица стояли перед его глазами. Он запоминал их. Всегда запоминал. Это было его личное кладбище, которое он носил с собой.

Автобус остановился у городской больницы. Артема уже ждали. Бригада медиков, полиция, представители администрации. Детей начали выводить, передавать психологам, укутывать в одеяла. Ирина держалась рядом с Артемом, не отпуская его руку.

— Доктор, — сказала она, — что с нами будет?

— Вас разместят в безопасном месте, — ответил он. — Вам помогут. Все будет хорошо.

— А вы?

Артем посмотрел на нее. Она была молодой женщиной, лет тридцати, с усталым, но добрым лицом. Она осталась с детьми, когда другие, возможно, сбежали. Она заслуживала большего, чем просто «все будет хорошо».

— Я вернусь на работу, — сказал он. — У меня смена еще не закончилась.

Она посмотрела на него с недоумением.

— Вы... вы же только что были в аду.

— В аду, — согласился Артем. — Но кто-то должен там работать.

Он передал детей медикам и психологам. Когда Максим уходил, он обернулся и помахал Артему рукой. Артем помахал в ответ. Это было маленькое, почти незаметное движение, но оно значило больше, чем все слова, сказанные за эту ночь.

Полковник Семенов подошел к нему. Это был мужчина лет пятидесяти, с седыми висками и жестким, волевым лицом. Он смотрел на Артема с интересом, как на редкий экспонат.

— Врач скорой помощи Артем Волин, — сказал он, сверяясь с каким-то документом. — Это вы организовали перемирие?

— Я никого не организовывал, — ответил Артем. — Я просто сказал, что буду работать, пока они не начнут стрелять.

— И они послушали?

— Они послушали.

Семенов усмехнулся.

— Вы понимаете, что могли погибнуть? И дети могли погибнуть?

— Понимаю.

— И все равно пошли.

— Я врач.

Семенов помолчал, изучая его.

— У вас есть час, чтобы дать показания. Потом мы вас отпустим. Но, возможно, вам придется testify в суде, если дело дойдет до трибунала.

— Я дам показания, — сказал Артем. — Но сначала мне нужно кое-что сделать.

— Что именно?

— Проверить, как мои пациенты.

Он имел в виду раненых, которых оставил в подвале. Григория, парня с пневмотораксом, мужчину с ранением печени. Он знал, что их должны были эвакуировать после того, как спецназ вошел в район. Но он хотел убедиться.

Семенов кивнул.

— Хорошо. Но недолго.

Артем вошел в больницу через служебный вход. В коридорах пахло дезинфекцией и кофе. Медсестры сновали туда-сюда, каталки с ранеными, врачи в белых халатах. Знакомая, привычная суета. Но сегодня она была плотнее, агрессивнее. Больница работала в режиме чрезвычайной ситуации.

Он нашел хирургическое отделение. За стеклянными дверями операционных горел свет. Он подошел к ординаторской и заглянул внутрь. Там сидели несколько врачей, уставших, с красными глазами. Среди них был его коллега, хирург Игорь Павлов, мужчина лет сорока, с вечно взлохмаченными волосами и доброй улыбкой.

— Артем? — Игорь поднял голову. — Ты откуда? Говорят, ты был в Заречном.

— Был, — ответил Артем, садясь на стул. — Как они?

Игорь понял без уточнений.

— Григорий — стабилен. Потерял много крови, но мы его перелили. Бедренная кость раздроблена, но это поправимо. Парень с пневмотораксом — в реанимации. Дышит сам. Мужчина с печенью — прооперирован, пока держится.

Артем кивнул. Трое выжили. Двое умерли. Он знал, что это хороший результат для тех условий. Но все равно чувствовал тяжесть.

— А ты как? — спросил Игорь.

— Нормально, — соврал Артем.

— Врешь.

— Вру.

Игорь налил ему кофе из термоса. Артем взял кружку и обхватил ее ладонями, чувствуя, как тепло проникает в пальцы.

— Знаешь, что самое странное? — сказал Артем. — Когда я был там, я не боялся. Вообще. Я просто делал свою работу. А сейчас... сейчас меня трясет.

— Это нормально, — сказал Игорь. — Это отложенный страх. Он всегда приходит потом.

— Я знаю. Просто... — Артем замолчал, подбирая слова. — Я видел их лица. Тех, кто умер. Я не могу их забыть.

— Ты и не должен, — сказал Игорь. — Если забудешь, значит, ты не врач. Ты просто робот.

Артем отпил кофе. Горький, горячий, живой.

В ординаторскую вошла женщина. Молодая, лет тридцати, с темными волосами, собранными в хвост, и строгим, но красивым лицом. Она была в форме полиции, капитан юстиции. На ее погонах блестели звезды.

— Врач Волин? — спросила она, глядя на Артема.

— Да.

— Капитан Елена Соколова, — представилась она. — Я веду дело о событиях в Заречном. Мне нужно задать вам несколько вопросов.

Артем вздохнул. Он знал, что этот момент придет.

— Хорошо, — сказал он. — Задавайте.

Они вышли в коридор. Елена достала блокнот и ручку.

— Вы были на месте событий с двадцати трех часов до половины второго ночи. Подтверждаете?

— Подтверждаю.

— Вы оказывали медицинскую помощь членам обеих группировок.

— Да.

— Вам угрожали?

— Да.

— Кто именно?

Артем задумался. Он мог бы назвать имена. Мог бы сдать всех. Но это не имело значения. Он не был свидетелем. Он был врачом.

— Я не запомнил имен, — сказал он. — Я запоминал раны.

Елена посмотрела на него, и в ее глазах мелькнуло что-то похожее на уважение.

— Вы понимаете, что, не сообщив информацию, вы можете быть привлечены к ответственности?

— Понимаю.

— И все равно не скажете?

— Я скажу все, что нужно для следствия. Но я не буду давать показания против людей, которых оперировал. Это врачебная этика.

Елена закрыла блокнот.

— Хорошо. Я запишу это как вашу позицию. Но имейте в виду: это дело не закроется быстро. Будут еще вопросы.

— Я готов отвечать.

Она кивнула и ушла. Артем остался стоять в коридоре, глядя ей вслед. Он чувствовал, что эта женщина не просто так пришла. Что-то в ее взгляде говорило, что она знает больше, чем говорит. Но он не стал задумываться. У него были другие дела.

Он вернулся в ординаторскую, допил кофе и посмотрел на часы. Пять утра. Его смена закончилась два часа назад. Но он не чувствовал, что может уйти. Слишком много всего произошло. Слишком много лиц, слишком много крови.

Он вышел из больницы. Утро только начиналось. Небо на востоке светлело, окрашиваясь в бледно-розовые тона. Улица была тихой, пустой. Только редкие машины проезжали мимо, и дворники убирали осколки стекла и гильзы, оставшиеся после ночного кошмара.

Артем сел на скамейку у входа и закрыл глаза. Он думал о детях, которых вывел из интерната. О Григории, который выжил. О тех двоих, которые умерли. О Валере, который ждал его в машине и, наверное, уже уехал. О Марине, диспетчере, которая, возможно, до сих пор сидит у монитора и ждет его звонка.

Он достал телефон. Тридцать два пропущенных вызова. Жена. Мать. Друзья. Он не стал перезванивать. Не сейчас. Он просто сидел и смотрел, как встает солнце.

Через десять минут к нему подошел человек. Артем не слышал шагов, не заметил, как он появился. Просто в какой-то момент рядом на скамейку опустился мужчина в темном пальто. Он был немолод, лет шестидесяти, с седыми волосами, зачесанными назад, и пронзительными серыми глазами.

— Артем Сергеевич Волин, — сказал мужчина. Это был не вопрос.

— Да, — ответил Артем, напрягаясь.

— Меня зовут Виктор Андреевич Крылов. Я представляю... определенные интересы.

— Какие интересы?

— Тех людей, которых вы сегодня спасали.

Артем повернулся к нему.

— Я никого не спасал. Я делал свою работу.

— Именно, — Крылов улыбнулся. — И эта работа была оценена. Вы получите вознаграждение.

— Мне не нужно вознаграждение.

— Это не деньги, — сказал Крылов. — Это информация. И protection.

Артем посмотрел на него. В этом человеке было что-то, что заставляло напрячься. Что-то опасное.

— Какая информация?

— О том, что произошло сегодня. О том, почему началась стрельба. И о том, что будет дальше.

— Мне не интересно.

— Вам будет интересно, — Крылов наклонился ближе. — Потому что сегодня погибли двое. А завтра могут погибнуть еще. И среди них могут быть дети. Те самые, которых вы вывели.

Артем почувствовал, как холодок пробежал по спине.

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду, что перемирие, которое вы организовали, — это временно. Обе группировки потеряли людей. Обе хотят мести. И обе знают, где находится интернат.

— Это блеф.

— Это правда, — Крылов достал визитку и положил ее на скамейку. — Позвоните, когда захотите узнать больше.

Он встал и ушел. Артем посмотрел на визитку. На ней был только номер телефона. Ни имени, ни адреса.

Он сидел на скамейке еще долго, глядя на визитку и думая о том, что только что услышал. Он знал, что это может быть ловушкой. Знал, что, возможно, его втягивают во что-то, из чего он не сможет выбраться. Но он также знал, что если Крылов прав, то дети, которых он спас сегодня, завтра могут снова оказаться в опасности.

Он взял визитку и убрал ее в карман. Потом встал и пошел к машине. Пора было ехать домой. Но он знал, что домой он не поедет. Поедет в интернат. Проверит, как там дети. Поговорит с Ириной. Убедится, что они в безопасности.

Он сел за руль своей старой машины и завел двигатель. Мотор заурчал, и Артем выехал на улицу. Утро было свежим, но в воздухе все еще висел запах гари и пороха. Город не забыл ночь. И Артем не забыл.

Он ехал по улицам, глядя на прохожих, на машины, на дома. Обычная жизнь. Люди шли на работу, в школу, в магазины. Они не знали, что произошло в Заречном. Они не знали, что где-то рядом, в нескольких кварталах, была война. Они не знали, что баланс между миром и хаосом держится на тонкой нити.

Артем знал. И это знание давило на него тяжелым грузом.

Он подъехал к интернату. Здание было оцеплено полицией. У ворот стояли машины, патрули. Артем припарковался и вышел. К нему сразу подошел молодой лейтенант.

— Гражданин, проход запрещен.

— Я врач, — сказал Артем. — Я выводил отсюда детей сегодня ночью. Хочу узнать, как они.

Лейтенант посмотрел на него, потом на его удостоверение.

— Подождите здесь.

Он ушел и вернулся через несколько минут с Ириной. Она выглядела уставшей, но спокойной. Увидев Артема, она улыбнулась.

— Доктор! Вы пришли.

— Как дети? — спросил он.

— Все живы, — ответила она. — Некоторые в шоке, но с ними работают психологи. Максим спрашивал о вас.

— Он в порядке?

— Да. Он сильный мальчик.

Артем кивнул.

— Ирина, послушайте меня. Я хочу, чтобы вы были осторожны. Возможно, ситуация еще не закончилась. Если что-то покажется вам странным или опасным, сразу звоните в полицию. И вот, — он протянул ей свою визитку. — Это мой номер. Если что, звоните мне в любое время.

Она взяла визитку и посмотрела на него с благодарностью.

— Спасибо, доктор. За все.

— Это моя работа.

Он попрощался и пошел к машине. По дороге он думал о словах Крылова. О том, что перемирие может не выдержать. О том, что дети могут снова оказаться в опасности. И о том, что он, возможно, единственный, кто может что-то изменить.

Он сел в машину и достал визитку. Посмотрел на номер. Потом убрал ее обратно в карман. Еще не время. Но он знал, что это время придет. Скоро.

Он завел двигатель и поехал домой. Ему нужно было поспать. Хотя бы несколько часов. А потом он снова вернется на работу. Потому что он был врачом. И его золотой час никогда не заканчивался.

Дома его встретила тишина. Жена, Наталья, спала. Он не стал ее будить. Прошел в ванную, смыл с себя кровь и грязь, посмотрел на свое отражение в зеркале. Усталое лицо, темные круги под глазами, щетина. Он выглядел на десять лет старше своего возраста.

Он лег в постель, но сон не шел. В голове крутились мысли. О Григории, о детях, о Крылове. О том, что будет дальше.

Он закрыл глаза и попытался расслабиться. Но перед внутренним взором стояли лица. Тех, кого он спас. И тех, кого не смог.

Он знал, что этот день изменил его. Что он уже не будет прежним. Что-то внутри него сломалось. Или, наоборот, собралось воедино. Он не мог понять.

Он просто лежал и ждал, когда придет сон. Или когда придет следующий вызов. Что будет раньше.

Телефон зазвонил. Артем открыл глаза. На экране был незнакомый номер. Он колебался мгновение, потом ответил.

— Волин.

— Доктор, — голос был женским, взволнованным. — Это Елена Соколова. Капитан юстиции. Мы разговаривали сегодня ночью.

— Помню. Что случилось?

— Григорий исчез из больницы. Его забрали люди. Мы не знаем, кто они. Но есть основания полагать, что это не полиция.

Артем сел на кровати.

— Когда?

— Час назад. Он был под охраной, но охрану нейтрализовали. Без жертв, но с применением силы. Это профессионалы.

Артем почувствовал, как холодок пробежал по спине.

— Что вы хотите от меня?

— Я хочу знать, что вам известно. О Григории. О том, что он говорил. О том, что происходит в Заречном.

Артем молчал. Он думал о Крылове. О его словах. О том, что перемирие временно.

— Я приеду, — сказал он. — Куда?

— Больница, третий корпус, кабинет двести четырнадцать. Я жду.

Артем отключился и встал. Он посмотрел на часы. Восемь утра. Он проспал всего два часа. Но это не имело значения.

Он оделся, вышел из дома и сел в машину. Он ехал по улицам, и в его голове звучал голос Крылова: «Перемирие временно».

Он знал, что это только начало. Что что-то большое, темное и опасное надвигается на город. И что он, простой врач скорой помощи, оказался в самом центре этого.

Он приехал в больницу. Елена ждала его в кабинете. Она была не одна. Рядом с ней стоял мужчина в штатском. Высокий, с холодными глазами.

— Доктор Волин, — сказала Елена. — Это майор ФСБ Дмитрий Захаров. Он ведет дело о бандах Заречного.

Захаров посмотрел на Артема. Его взгляд был тяжелым, как свинец.

— Вы были там сегодня ночью, — сказал он. — Вы видели лица. Вы знаете имена. Пришло время рассказать все.

Артем посмотрел на него. Потом на Елену. Потом на свои руки. Руки, которые сегодня спасали жизни. И которые сейчас, возможно, придется использовать для чего-то другого.

— Я расскажу, — сказал он. — Но сначала вы расскажете мне, что происходит.

Захаров усмехнулся.

— Хорошо, доктор. Слушайте.

И он начал говорить. И чем больше он говорил, тем яснее Артем понимал, что ночь в Заречном была не просто перестрелкой. Это была часть большого плана. Плана, который угрожал всему городу. И он, Артем Волин, оказался в самом его центре.

Он слушал, и внутри него крепло решение. Он не отступит. Он не сбежит. Он будет бороться. Потому что он был врачом. А врач не бросает своих пациентов. Даже если пациентом был целый город. Захаров говорил ровно, без эмоций, как человек, который давно привык к тому, что мир состоит не из черного и белого, а из оттенков серого, и что в этом сером иногда приходится принимать решения, от которых потом не спится по ночам. Он разложил на столе карту города, испещренную красными и синими пометками, и водил по ней пальцем, как полководец перед битвой.

— Заречный район — это не просто территория, — сказал он. — Это перевалочный пункт. Через него идут наркотики, оружие, люди. Последние полгода мы фиксируем рост поставок нового синтетического наркотика. Он называется «Химера». Производится где-то за границей, но конечный пункт — наш город. И контроль над этим каналом — вот за что воюют «Северные» и «Черные». Не за улицы. За право быть посредником.

Артем слушал, и в его голове складывалась картина. Он вспомнил лица бандитов в подвале. Молодые парни, почти дети. Они умирали не за идею. Они умирали за чей-то бизнес.

— При чем здесь Григорий? — спросил он.

— Григорий — бывший офицер, — ответил Захаров. — Служил в спецназе, потом ушел в бизнес. Но не в этот. Он хотел контролировать поток, чтобы остановить его. Или, по крайней мере, ограничить. Он знает имена тех, кто стоит за «Химерой». И он знает, где находится лаборатория.

— И вы хотите, чтобы он дал показания.

— Мы хотим, чтобы он остался жив, — сказал Захаров. — Потому что если он умрет, мы потеряем единственную нить, которая ведет к организаторам. А если его забрали люди, которые работают на них, то он уже мертв. Или будет мертв в ближайшие часы.

Артем почувствовал, как внутри все сжалось. Он вспомнил Григория. Мужчину с седой щетиной и тяжелым подбородком. Человека, который усмехался, несмотря на боль. Который сказал: «Мы в аду, док. И ты в нем застрял вместе с нами».

— Что вы хотите от меня? — спросил Артем.

— Вы были там, — сказал Захаров. — Вы видели его людей. Вы знаете, как они думают. Вы знаете, где они могут прятаться. Вы — врач. Вы можете двигаться там, где мы не можем. Вы можете говорить с ними.

— Я не оперативник.

— Вы лучше, чем оперативник, — Захаров посмотрел на него в упор. — Вы — тот, кому они доверяют. Вы спасли их лидера. Вы вывели детей. Для них вы — человек, который не предаст. И если вы придете и скажете, что Григорий в опасности, они вас выслушают.

Артем молчал. Он думал о детях. О Максиме. О том, что будет, если «Химера» продолжит распространяться. Он думал о Григории, который лежал на больничной койке, а теперь исчез. И он думал о словах Крылова. О том, что перемирие временно. Что дети снова могут оказаться в опасности.

— Я согласен, — сказал он. — Но у меня есть условие.

— Какой?

— Я не буду оружием. Я не буду стрелять. Я буду делать то, что умею. Спасать жизни. Если вы попросите меня убивать, я откажусь.

Захаров посмотрел на Елену. Она едва заметно кивнула.

— Хорошо, — сказал Захаров. — Мы не просим вас убивать. Мы просим вас помочь найти Григория. И помочь нам понять, что происходит в Заречном.

Артем встал.

— Тогда не будем терять время. Где его держали?

— В больнице, третий корпус, палата четыреста двенадцать, — ответила Елена. — Мы уже там были. Охрану нейтрализовали, камеры отключили. Никаких следов.

— А камеры наблюдения на этаже?

— Отключены. Кто-то очень хорошо подготовился.

Артем задумался. Он знал, что в больнице была старая система видеонаблюдения, которую использовали для внутренних нужд. Она не была подключена к общей сети, и о ней знали немногие. Он сам узнал о ней случайно, когда один из техников хвастался новым оборудованием.

— Есть одна камера, — сказал он. — В подсобке на четвертом этаже. Она смотрит на коридор. Если кто-то выносил Григория через черный ход, она должна была зафиксировать.

Захаров поднял бровь.

— Откуда вы знаете?

— Я работаю здесь двенадцать лет.

Они поднялись на четвертый этаж. Подсобка была заперта, но Артем знал, где лежит ключ. Он открыл дверь, и они вошли в тесное помещение, заставленное коробками и старым оборудованием. В углу стоял монитор, подключенный к древнему видеорегистратору.

Артем включил его. Экран замерцал, пошли помехи. Он перемотал запись на час назад. И они увидели.

Четверо мужчин в черных масках вышли из палаты Григория. Они несли носилки. Двигались быстро, слаженно, профессионально. Они не бежали. Они шли уверенно, как люди, которые знают, что делают. Один из них остановился, посмотрел прямо в камеру. И поднял руку. Он показал два пальца. Как знак победы. Или как знак того, что они знают, что их видят.

— Они знали о камере, — сказал Захаров.

— Знали, — согласился Артем. — Но не отключили. Почему?

— Потому что хотели, чтобы мы это увидели, — ответила Елена. — Это послание.

Артем посмотрел на экран. Мужчина с двумя пальцами. Что-то в его фигуре было знакомым. Плечи, походка. Он видел этого человека раньше. Сегодня ночью.

— Я знаю его, — сказал Артем. — Это один из людей «Северных». Тот, который привел меня к их лидеру. Я не знаю его имени, но я помню его лицо.

Захаров сжал кулаки.

— Значит, «Северные» забрали Григория. Но зачем? Если они хотели его убить, они бы убили на месте.

— Они хотят обмена, — сказала Елена. — У них есть Григорий. У «Черных» есть кто-то из их людей. Они хотят вернуть своего.

— Или они хотят выведать информацию, — возразил Захаров. — Григорий знает имена. Если «Северные» работают на «Химеру», они захотят узнать, что он успел рассказать.

Артем слушал их спор, но его внимание было приковано к экрану. Он смотрел на запись снова и снова. Что-то было не так. Что-то в этой картине не сходилось. Он не мог понять, что именно.

И тут он увидел. На заднем плане, в коридоре, мелькнула тень. Едва заметная, почти невидимая. Но она была. Человек, который не входил в палату и не выходил с носилками. Он просто стоял и наблюдал. А потом исчез.

— Стоп, — сказал Артем. — Отмотайте назад.

Елена перемотала запись. Артем показал на тень.

— Здесь был еще один. Он не участвовал в похищении. Он наблюдал. И он ушел до того, как они вынесли Григория. Это значит, что он знал, что они придут. И он не хотел, чтобы его видели.

— Кто он? — спросил Захаров.

— Я не знаю. Но он был в больнице. И, возможно, он все еще здесь.

Артем вышел из подсобки и пошел по коридору. Он смотрел на лица людей. Медсестры, врачи, пациенты. Никто не выглядел подозрительно. Но он знал, что это ничего не значит. Хороший наблюдатель умеет сливаться с толпой.

Он спустился на первый этаж, прошел через приемное отделение, вышел на улицу. Он не знал, что ищет. Но что-то тянуло его вперед. Интуиция, которая никогда его не подводила.

И тут он увидел. У входа в больницу стояла машина. Черная, тонированная, с работающим двигателем. За рулем сидел человек. Артем не видел его лица, но он видел силуэт. И этот силуэт совпадал с тенью на записи.

Артем подошел ближе. Человек заметил его. Он повернул голову, и Артем увидел его лицо. Молодой, лет тридцати, с острыми чертами и холодными глазами. Он смотрел на Артема без страха. И без удивления. Как будто ждал его.

Артем остановился в двух шагах от машины. Он не знал, что делать. Он не был вооружен. Он не был обучен. Но он был врачом. И он знал, что иногда слова сильнее оружия.

— Вы были в больнице, — сказал Артем. — Вы видели, как забирали Григория.

Человек молчал. Он смотрел на Артема, как будто оценивая его. Потом он улыбнулся. Улыбка была холодной, как лед.

— Вы доктор Волин, — сказал он. — Я слышал о вас. Вы тот, кто устроил перемирие.

— Кто вы?

— Меня зовут Антон. Я работаю на людей, которые хотят, чтобы этот город не превратился в поле боя.

— Вы работаете на «Химеру»?

Антон усмехнулся.

— Я работаю на тех, кто хочет остановить «Химеру». Но у нас разные методы. Вы спасаете жизни. Мы устраняем угрозы.

— Вы забрали Григория?

— Мы забрали его, чтобы спасти. «Северные» хотели его убить. Мы успели раньше.

— Где он?

— В безопасном месте. И он будет жить, если вы поможете нам.

— Что вам нужно?

Антон наклонился ближе.

— Вы знаете женщин по имени Ирина? Воспитательницу из интерната?

Артем напрягся.

— Знаю.

— Она не та, за кого себя выдает. Она работает на «Химеру». Она должна была вывести детей из зоны боевых действий, но не в безопасное место. А в лабораторию. Дети — это не просто дети. Это носители. Они должны были стать частью эксперимента.

Артем почувствовал, как земля уходит из-под ног.

— Вы лжете.

— Я не лгу. Проверьте. Ирина исчезла из интерната час назад. Вместе с пятью детьми. Включая мальчика по имени Максим.

Артем замер. Максим. Рыжий мальчик с веснушками. Тот, который спросил, спасут ли его. Тот, кому он пообещал, что все будет хорошо.

— Где они? — спросил Артем, и его голос был холодным, как сталь.

— Мы не знаем. Но мы знаем, где может быть лаборатория. И нам нужен человек, который сможет войти туда без подозрений. Врач. Вы.

Артем смотрел на Антона. Он не знал, можно ли ему верить. Он не знал, кто здесь враг, а кто друг. Но он знал одно: Максим в опасности. И он, Артем Волин, обещал его спасти.

— Я согласен, — сказал он. — Но если вы лжете, я найду вас. И тогда никакие ваши методы вам не помогут.

Антон кивнул.

— Садитесь в машину, доктор. У нас мало времени.

Артем обошел машину и открыл дверь. Он сел на пассажирское сиденье и посмотрел на больницу. Где-то там, на четвертом этаже, Захаров и Елена все еще смотрели запись. Они не знали, что он уехал. Они не знали, что он ввязался в игру, правил которой не знал.

Машина тронулась с места и выехала на улицу. Артем смотрел в окно и думал о Максиме. О его рыжих волосах и веснушках. О его руке, сжимавшей ладонь Артема в темном подвале.

Он думал о том, что золотой час — это не просто время. Это выбор. Выбор между тем, чтобы спасти, и тем, чтобы бояться. И он сделал свой выбор.

Машина набирала скорость. Город проносился мимо, размытый и серый. Артем не знал, куда они едут. Он не знал, что его ждет. Но он знал, что не остановится. Потому что он был врачом. А врач не бросает своих пациентов. Даже если для этого придется войти в самое пекло.

Он достал телефон и набрал номер. Гудки шли долго. Наконец на том конце ответили.

— Волин? — голос Крылова был спокойным, как будто он ждал этого звонка.

— Это Артем. Мне нужна информация. О лаборатории. О «Химере». И о женщине по имени Ирина.

Крылов помолчал.

— Вы ввязались в опасную игру, доктор.

— Я знаю. Говорите.

И Крылов начал говорить. Он говорил о том, что «Химера» — это не просто наркотик. Это биологическое оружие. Оно изменяет сознание, делает людей управляемыми. И дети — идеальные носители. Их мозг еще не сформирован, их можно перепрограммировать. Лаборатория находится в старом бомбоубежище на окраине города. Там работают ученые, нанятые организаторами. И там же находятся дети, которых уже начали обрабатывать.

Артем слушал, и внутри него росла холодная ярость. Он сжал телефон так, что побелели костяшки пальцев.

— Я найду их, — сказал он. — И вытащу.

— Будьте осторожны, доктор, — сказал Крылов. — Эти люди не играют по правилам.

— Никто из нас не играет по правилам, — ответил Артем. — Просто у каждого свои правила.

Он отключился и посмотрел на Антона.

— Вы знаете, где бомбоубежище?

Антон кивнул.

— Знаю. Но туда просто так не войти. Охрана, камеры, датчики. Нужен человек, который сможет пройти внутрь без подозрений.

— Я пройду, — сказал Артем.

Машина свернула на темную улицу и остановилась у старого, заброшенного здания. Антон заглушил двигатель и посмотрел на Артема.

— Это здесь. Дальше пешком.

Артем вышел из машины. Он посмотрел на здание. Мрачное, серое, с забитыми окнами. Где-то там, внутри, были дети. И Максим. И он должен был их вытащить.

Он сделал шаг вперед. И еще один. Он шел в темноту, и темнота смыкалась вокруг него. Но он не боялся. Потому что у него была цель. И потому что он был врачом. А врач всегда идет туда, где нужна помощь.

Он подошел к двери. Она была заперта. Но рядом, на стене, висел старый пожарный щит. Артем открыл его, достал топор и ударил по замку. Металл зазвенел, и дверь открылась.

Он вошел внутрь. В лицо ударил запах сырости и химикатов. Где-то в глубине здания горел свет. Артем пошел на этот свет. Он шел по темным коридорам, и его шаги гулко отдавались в тишине.

Он не знал, что ждет его впереди. Но он знал, что не остановится. Никогда. Потому что золотой час — это не время. Это выбор. И он сделал его. Снова.

Он шел вперед. И темнота расступалась перед ним.

Глава 3. Бомбоубежище

Темнота внутри здания была живой. Она дышала, шевелилась, касалась лица холодными пальцами. Артем стоял в узком коридоре, и единственным источником света был тусклый отсвет, пробивавшийся откуда-то из глубины. Он слышал звуки: далекий гул генератора, капель воды, стекающей по стенам, и едва уловимый запах химикатов, который становился сильнее с каждым шагом.

Он двинулся вперед, держа топор в руке. Не как оружие — он не умел обращаться с оружием. Как инструмент. Как продолжение своей решимости. Пол под ногами был бетонным, покрытым толстым слоем пыли, но местами пыль была смазана, как будто здесь недавно ходили. Он шел по этим следам, и они вели его вглубь бункера.

Коридор разветвлялся. Артем остановился, прислушиваясь. Гул генератора доносился слева. Голоса — справа. Он выбрал голоса. Он шел тихо, ступая на носки, как учил его когда-то отец, охотник, который так и не дожил до пенсии. Он вспомнил его лицо, обветренное, с морщинами у глаз. «Тише идешь — дальше будешь, сынок». Тогда это казалось ему глупой поговоркой. Сейчас он понимал ее смысл.

Он подошел к двери. Она была приоткрыта, и в щель пробивался яркий свет. Артем заглянул внутрь. Это была комната охраны. Двое мужчин в черной одежде сидели перед мониторами. На экранах мелькали изображения с камер. Артем увидел коридоры, комнаты, лаборатории. И детей.

Сердце сжалось. На одном из мониторов он увидел маленькую фигурку. Рыжие волосы. Веснушки. Максим сидел на койке в тесной комнате без окон. Рядом с ним были еще четверо детей. Они выглядели испуганными, но не ранеными. Пока не ранеными.

— Слушай, — сказал один из охранников, молодой парень с прыщавым лицом. — Сколько нам еще здесь торчать? Мне это место не нравится.

— Заткнись и делай свою работу, — ответил второй, старше и грубее. — Еще неделя, и мы уедем. Получим деньги и уедем. Ты же хотел денег.

— Я хотел денег, а не возиться с детьми. Это как-то... неправильно.

— Правильно — неправильно. Ты думаешь, «Химера» спрашивает, что правильно? Забудь. Просто смотри на мониторы.

Артем слушал, и внутри него закипала ярость. Эти люди говорили о детях, как о товаре. Как о чем-то, что можно использовать и выбросить. Он сжал топор. Он не хотел убивать. Но он хотел остановить их.

Он толкнул дверь и вошел. Охранники обернулись. Молодой потянулся к пистолету на столе, но Артем ударил его рукоятью топора по голове. Парень обмяк и упал. Второй вскочил, но Артем уже был рядом. Он ударил его локтем в лицо, и охранник отшатнулся, схватившись за разбитый нос.

— Стой на месте! — крикнул Артем, и в его голосе было столько ярости, что мужчина замер. — Я не буду тебя убивать, если ты ответишь на мои вопросы.

— Ты кто такой? — прохрипел охранник, глядя на него с ненавистью и страхом.

— Я врач. Где дети?

— Пошел ты.

Артем ударил его по лицу. Не сильно, но достаточно, чтобы он понял, что это не игра.

— Где дети?

— В лаборатории. В секторе «Д». В конце коридора, за гермодверью.

— Сколько там людей?

— Двое ученых. И еще охрана. Трое. Плюс мы.

— Ты врешь.

— Не вру. Клянусь.

Артем посмотрел на мониторы. Он увидел сектор «Д». Это была большая комната с койками и медицинским оборудованием. Там были дети. И там были люди в белых халатах. Ученые. Они что-то делали. Они готовили растворы.

— Что они с ними делают?

— Я не знаю. Я просто охраняю. Я не знаю, что они там делают.

Артем чувствовал, что он говорит правду. Он не знал. Он не хотел знать. Он просто выполнял приказы.

Артем схватил его за шиворот и притянул к себе.

— Слушай меня внимательно. Я иду туда. Если ты поднимешь тревогу, я вернусь. И тогда я не буду таким добрым. Понял?

Мужчина кивнул. Артем ударил его головой о стол, и он потерял сознание. Он связал обоих ремнями от их же штанов и заклеил рты скотчем, который нашел на столе. Потом он посмотрел на мониторы. Он запомнил дорогу до сектора «Д».

Он вышел из комнаты охраны и пошел по коридору. Сердце билось быстро, но он не позволял себе думать о страхе. Он думал о Максиме. О рыжих волосах и веснушках. О том, как мальчик спросил: «А ты нас спасешь?» И он ответил: «Да». Это было обещание.

Коридор был длинным и темным. Где-то капала вода. Где-то гудел генератор. Артем шел, и его шаги отдавались эхом. Он не пытался быть тихим. Он уже не боялся быть услышанным. Он шел как врач. Как человек, который знает, что делает.

Он дошел до гермодвери. Она была тяжелой, металлической, с колесом-запором. Он повернул колесо, и дверь со скрипом открылась. За ней был еще один коридор, ярко освещенный. И в конце этого коридора была дверь в лабораторию.

Артем вошел. Он шел по коридору, и с каждым шагом запах химикатов становился сильнее. Теперь к нему примешивался другой запах. Запах страха. Запах детей.

Он подошел к двери. Она была стеклянной, и через нее он увидел комнату. Дети сидели на койках. Максим был там. Он увидел Артема и его глаза расширились. Он хотел что-то сказать, но не мог. Рядом с ним стояла Ирина. Она держала шприц.

Артем открыл дверь. Ирина обернулась. На ее лице не было удивления. Только холодная решимость.

— Доктор Волин, — сказала она. — Я знала, что вы придете.

— Отойдите от детей, — сказал Артем. — Немедленно.

— Вы не понимаете, — ответила она. — Я не причиню им вреда. Я их спасаю.

— Вы делаете им инъекции.

— Это вакцина. «Химера» — это не наркотик. Это вирус. Мы создали его, чтобы защитить детей. Он делает их иммунными. Но для этого нужна сыворотка. Мы не успели. Мы не успели сделать всем.

Артем смотрел на нее, и не понимал. Она говорила, и в ее словах была логика. Страшная, извращенная, но логика.

— Вы лжете, — сказал он. — Вы работаете на «Химеру». Вы хотели использовать детей.

— Я работаю на тех, кто хочет остановить эпидемию, — ответила она. — «Химера» уже распространяется. Через неделю, через две, она охватит весь город. Мы пытаемся создать вакцину. Но у нас мало времени. И мало добровольцев.

— Дети — не добровольцы.

— Они — единственные, у кого есть иммунитет. Мы проверяли. Их кровь содержит антитела. Мы не убиваем их. Мы берем кровь. Немного. Они даже не чувствуют.

Артем посмотрел на детей. Они сидели тихо. Слишком тихо. Он подошел к Максиму. Мальчик смотрел на него, и в его глазах были слезы.

— Дядя доктор, — прошептал он. — Она сделала мне больно.

Артем обернулся к Ирине. В его взгляде была смерть.

— Вы говорите, что спасаете их. Но они плачут.

— Они не понимают. Они дети. Они боятся.

— Они боятся вас. И правильно делают.

Он шагнул к ней. Она подняла шприц.

— Не подходите. Это яд. Если вы сделаете шаг, я вколю ему.

Артем остановился. Он смотрел на шприц. На ее руку. На ее лицо. И он понял. Она не блефовала. Она верила в то, что делает. И это делало ее еще опаснее.

— Ирина, — сказал он мягко. — Послушайте меня. Вы врач?

— Я биолог. Я работала в институте. Пока его не закрыли.

— Вы хотите спасти детей?

— Я хочу спасти всех.

— Тогда отпустите их. Дайте мне помочь. У меня есть связи. У меня есть доступ к больнице. Мы можем работать вместе. Мы можем найти другой путь.

Она смотрела на него. В ее глазах боролись сомнение и вера. Он видел это. Он видел, как она колеблется.

И в этот момент дверь за его спиной открылась. Вошли трое охранников с автоматами. Антон был с ними. Он держал пистолет.

— Отойдите от нее, доктор, — сказал Антон. — Она нам нужна живой.

Ирина посмотрела на него. И ее лицо изменилось. Страх исчез. Осталась только ненависть.

— Вы, — прошипела она. — Вы работаете на них.

— Я работаю на будущее, — ответил Антон. — А вы работаете на прошлое. На вирус. На смерть.

Он поднял пистолет. Артем шагнул между ними.

— Не смейте.

— Отойдите, доктор.

— Она нужна вам живой. Я нужен вам живым. Дети нужны вам живыми. Если вы выстрелите, вы потеряете все.

Антон колебался. Артем видел это. Он видел, как палец на курке дрогнул.

И в этот момент Максим вскочил с койки. Он схватил шприц из руки Ирины и отбросил его в сторону. Ирина вскрикнула. Артем обернулся, схватил ее за руки и прижал к стене.

— Дети, — крикнул он. — Все за мной. Быстро.

Дети встали. Они смотрели на него. Они боялись. Но они пошли. Максим шел первым. Он не плакал. Он шел, как маленький солдат.

Артем вывел их из лаборатории. Антон и его люди шли позади. Ирина осталась в комнате. Она сидела на полу и смотрела им вслед. В ее глазах была пустота.

— Вы сделали ошибку, доктор, — сказал Антон, когда они вышли в коридор. — Она знает слишком много.

— Она жива, — ответил Артем. — Это все, что имеет значение.

Они шли по коридорам бункера. Дети держались за руки. Максим шел рядом с Артемом и держал его за полу куртки. Артем чувствовал его маленькую руку и знал, что не отпустит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.